© Л.Б. ЛИХТЕРМАН, 2012

УРОКИ ТРАВМЫ АКАДЕМИКА Л.Д. ЛАНДАУ*Л.Б. Лихтерман*

НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко РАМН, Москва

Прошло полвека с той поры, когда январским днем 1962 г. в автокатастрофе получил мало совместимую с жизнью множественную травму гениальный физик Лев Давидович Ландау.

Медицина получила пациента в критическом состоянии и применила все свои тогдашние возможности для спасения мировой величины.

Но, как это ни странно звучит, сам пострадавший способствовал этому, а заодно и становлению нейрореанимации. Как такое возможно?! Ученый так много значил для цивилизованного общества вне границ систем и стран, что буквально весь мир включился в борьбу с тяжелой травматической патологией.

Спасение жизни Льва Давидовича — это первая длительная аппаратная искусственная вентиляция легких у коматозного больного с ушибом головного мозга тяжелой степени (как считали тогда, а теперь мы понимаем, что это было грубое диффузное аксональное повреждение), это первый в нейротравматологии физиологический и биохимический мониторинг, это первое применение мочевины для преодоления отека мозга, это первая относительно успешная нейрореабилитация после длительного бессознательного состояния и многое другое. Таким образом, случай с Л.Д. Ландау обоснованно можно считать началом современной практической нейрореанимации, по крайней мере, в нашем Отечестве.

А теперь представим собственно историю болезни Л.Д. Ландау (разумеется, в кратком и фрагментарном её изложении, ибо, что очень непонятно, и в архиве 50-й больницы Москвы, и в архиве Института нейрохирургии истории болезни такого выдающегося пациента отсутствуют, так же, впрочем, как и протокол в ГАИ о дорожно-транспортном происшествии, в котором он пострадал. Не будем строить догадки, как и почему это произошло, но, увы, это факт).

Трагедия произошла утром 7 января 1962 г. на Дмитровском шоссе. Ученый ехал в Дубну на «Волге», которую занесло на обледенелой дороге, что привело к столкновению с грузовиком. Пострадал лишь Лев Давидович, сидевший на заднем сиденье справа, куда пришелся удар. Чтобы представить крайнюю тяжесть его состояния, достаточно перечислить главные зафиксированные повреждения: переломы основания и свода чере-

па, множественные ушибы головного мозга, сдавление грудной клетки с переломом четырех ребер справа и трех — слева, повреждение левого легкого и гемопневмоторакс, перелом костей таза, забрюшинная гематома, массивная кровопотеря, травматический шок. При поступлении в 50-ю ГКБ г. Москвы пострадавший находился в коме с выраженной дыхательной недостаточностью.

Четко сработала бригада врачей 50-й больницы, возглавляемая профессором В. Поляковым. Были выделены 2 палаты: одна — интенсивной терапии с постоянным врачебным контролем, где находился Л.Д. Ландау; другая — для дежурных физиков, сразу включившихся в борьбу за жизнь своего великого коллеги.

Больному сделали трахеостомию и подключили к аппарату искусственного дыхания. Наладили зондовое кормление и активный уход. Сорок (!) суток длилось критическое коматозное состояние. Л.Д. Ландау перенес 4 (!) клинические смерти, двустороннюю пневмонию, парез кишечника, выраженный посттравматический отек мягких тканей всего туловища, полиорганную недостаточность. Из-за чрезмерно затягивавшейся комы врачи склонялись к предположению о наличии внутричерепной гематомы; на этом диагнозе настаивал У. Пенфильд (W. Penfield). Ангиография (в ту пору прямая) представлялась опасной. Наложили фрезевое отверстие, убедившее в отсутствии, по крайней мере, оболочечной гематомы.

Из комы больной перешел в вегетативный статус, к счастью, оказавшийся непродолжительным. Первой, кто заметил слежение, была жена. Потом в этом убедились врачи. Для восстановления функций мозга и движений Л.Д. Ландау в конце февраля перевели в Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко. Лечащим врачом стал Сергей Николаевич Федоров. 22 февраля 1962 г. состоялся международный консилиум, в котором приняли участие крупнейшие нейрохирурги — У. Пенфильд (Канада), Ж. Гийо (Франция), З. Кунц (Чехословакия), Б. Егоров, И. Иргер, Г. Корнянский (СССР), неврологи — М. Гарсен (Франция), Н. Гращенко, М. Рапопорт (СССР) и многие другие специалисты.

Началась комплексная реабилитация. Появились речь, сначала на английском языке, движения рук, ходьба с «манежем».

В дальнейшем Льву Давидовичу проводили восстановительное лечение в больнице АН СССР и в Чехословакии. Итог реабилитации — и восхищал, и угнетал одновременно. С одной стороны, «вытянуть» больного после 40-суточной комы и добиться восстановления не только речи и мобильности, пусть ограниченной, но и критики (когда коллеги из АН СССР захотели проверить интеллект Ландау, они в одну из формул, выведенных ученым, внесли заведомую ошибку. Лев Давидович сосредоточился и тут же эмоционально взорвался: «Только идиот мог написать такую чушь!»), а с другой — гений современной физики уже не смог вернуться к своей творческой работе, не говоря уже и о том, что он был инвалидизирован хроническим болевым синдромом и рядом других последствий тяжелой травмы.

Зато награды словно посыпались на академика Л.Д. Ландау — травма подхлестнула признание его пионерских достижений. В апреле гибельного 1962 г. ему присуждают Ленинскую премию, а спустя полгода, в ноябре — Нобелевскую (по представлению его учителя и друга Нильса Бора).

Рассказ о травме Л.Д. Ландау неотделим от того участия, какое приняли в беде ученые Отечества и мира. Академики П. Капица, В. Энгельгардт, Н. Семенов, Л. Арцимович создали мощный «штаб по спасению Ландау». Я видел журнал, где были расписаны дежурства у Ландау таких величин, как И. Халатников, А. Абрикосов, Е. Лившиц и многих других. Ученые стран Западной Европы и Северной Америки обеспечили срочную доставку

очищенной мочевины, маннитола, антибиотиков, дыхательной аппаратуры.

Наши физики специально для Л.Д. Ландау создали функциональную кровать, ряд других приспособлений. И этот пример солидарности не менее впечатляющ, чем самоотверженность медиков.

После январской катастрофы Лев Давидович прожил еще 6 лет. Это были годы страданий — и физических, и психологических. Он умер 1 апреля 1968 г. после операции по поводу спаечной болезни кишечника.

Полагаю, даже далеко неполное изложение истории травмы Льва Давидовича Ландау позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, уникальность удовлетворительного восстановления функций головного мозга (умеренная инвалидизация по шкале исходов Глазго) после 40-суточной (!) комы.

Во-вторых, роль этой трагедии в развитии современной нейрореанимации в силу особой значимости личности пострадавшего.

В-третьих, впечатляющий пример объединения ученых мира для спасения жизни своего коллеги.

В-четвертых, тяжелая травма как сигнал поспешить отдать наградные долги пострадавшему.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лихтерман Леонид Болеславович — доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Института нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко РАМН

E-mail: Npestovskaya@nsi.ru